

ЗАМЕТКИ С ПАСТЕРНАКОВСКИХ ЧТЕНИЙ

В ТРЕХ минутах от Дома литераторов, который захлестнули в середине февраля двухдневные Пастернаковские чтения, будто испуская давнюю вину, пустовал уставший от лицедейства Театр киноактера. Да, тот самый, что строился в начале 30-х под клуб для политкаторжан и где, не замечая этой убогой символической, в октябре 1958-го московские писатели послушно клеймили Бориса Пастернака и его роман «Доктор Живаго». Борис Леонидович благоразумно уклонился от присутствия на том собрании, но передал его участникам обстоятельное письмо.

«Я знаю, что под давлением общественности будет поставлен вопрос о моем исключении из Союза писателей. Я не ожидаю от вас справедливости. Вы можете меня расстрелять, выслав, сделать все, что вам угодно, и я вас заранее прощаю. Но не торопитесь. Это не прибавит вам ни счастья, ни славы, — предупреждал поэт. — И помните, что через несколько лет вам придется меня реабилитировать. В вашей практике это не в первый раз».

Все здесь предсказано точно, кроме, пожалуй, сроков литературной реабилитации, для которой, увы, понадобились не годы, а десятилетия. Правда, уже в 1961 году вышел сборник стихов. Помню многолюдный вечер Пастернака почему-то в Большой химической аудитории МГУ, кажется, в феврале 1964-го: Лев Озеров на кафедре, круто вздымающийся амфитеатр, и где-то на самом верхе, в проходе, запруженном студентами, юный, как и они, Андрей Вознесенский. Затем был знаменитый синий том «Библиотеки поэта»... Но только 30 мая 1987 года на могилу Пастернака лег венок от Союза писателей СССР. Со дня смерти прошло 27 лет. «Это возраст Лермонтова», — подытожил тогда грузинский поэт Михаил Келивидзе.

В ТОТ ЖЕ день в Литературном институте начались первые Пастернаковские чтения. И вот теперь в Доме литераторов — вторые... О месте Пастернака в литературе и культуре XX века размышляет во вступительном слове А. Вознесенский.

— Мы говорим сейчас об альтернативе Сталину, — замечает он. — Называем имена Бухарина, Троцкого, Рыкова... Таков политический расклад. Но духовной альтернативой Сталину был Пастернак.

Конечно, не один Пастернак, это очевидно, хотя поэтическая традиция выбрала именно это противостояние. Здесь же, кстати, в Большом зале ЦДЛ, совсем недавно на вечере Наума Коржавина на все лады повторялись его стихи о Сталине, написанные еще в 40-х годах:

...Суровый, жесткий человек,
Не понимавший Пастернака.

Пастернак в его отношениях с эпохой предстал на чтениях и в двух страничках, присланных В. Каверины, и в выдержках из будущей книги Д. Данина. Вениамин Александрович видел, как беззащитно раскрылся Пастернак на Первом съезде писателей, как одним мгновенным жестом, безотчетным в своей искренности, раскритиковал казенное притворство. Д. Данин в то время был студентом, и он рассказывал, что знала поэзия Пастернака для его сверстников:

— Она выглядела, может быть, бесполезной для строителей Магнитки на пастернаковском Урале или для проходчиков метро в пастернаковской Москве. Однако она лишь выглядела такой, а на самом-то деле... Ипостаси нашей разноречивой эпохи всегда вели свой «гамбургский счет». Были высоты выше горы Магнитной и были глубины глубже станций метро. У качелей истории, жизни и природы обнаруживался никакими планами не запланированный разлет:

Мчались звезды. В море мысли
Слегла соль. И слезы высыхали.
Были темны спальни. Мчались мысли,
И прислушивался сфинкс к Сахаре...

Мы качались на этих качелях во весь их разлет. Качались, завороченные необъятностью открываемого поэзией мира и ненасытностью воображения художника.

Другую молодежь, конца 50-х, вспоминал А. Кушнер, но отношение ее к Пастернаку было сходным:

— Для людей моего поколения слово «Пастернак» было паролем. Для

нас, тогда столь юных, любовь к его поэзии была не просто свидетельством порядочности. Человек, не способный ощутить прелесть его стихов, становился чуждым духовно. С ним не о чем было говорить.

Современный поэт всматривается в судьбу поэта-предшественника:

— Поэзия знает, во всяком случае, Пастернак знал, добрый смысл бытия. Поэзия возвращает нас к нему, и в этом ее сила. Добрый смысл бытия — это, кстати, признание существования в мире правды, ее неотменимости вопреки всем ухищрениям и победам зла. Со всем этим связано понимание необходимости для художника жизни в тени, вне прожекторов и шумихи... Мы знаем, чего стоила Пушкину близость к власти. Стоила жизни. И мы знаем, сколько художников было втянуто в эти гибельные отношения уже в наше время: и Горький, и Маяковский, и Булгаков, и Зощенко, и даже Мандельштам. Каждый по-своему был затасан стальными зубцами в этот железный барабан государственной машины. Пастернак не избежал общей участи и ложных шагов, но нашел в себе силы выпутаться из паутины, осудить в себе что-то, осмыслить случившееся, уйти со сцены, погрузиться в тень, обресть себя на прижизненное забвение, на каторжный труд переводчика. Только жизнь частного человека дает возможность поэту сохранить независимость и достоинство, осуществить свою задачу, внести гармонию во внешний мир, как сформулировал Блок.

О ТКРЫВАЯ череду научных докладов и сообщений, сын Пастернака Евгений Борисович говорил об отношении поэта к революции, основываясь на недавно найденных стихотворениях 1918 года — непосредственных откликах на его трагические события, проследил, как ранние художественные впечатления постепенно претворялись в итоговую картину, запечатленную в «Докторе Живаго».

Приведу одно из этих стихотворений по автографу, который был показан на выставке из фондов Литературного музея. Оно написано в ответ на стихи Рюрика Иванова и выражает позицию Пастернака-художника.

В расчете на благородство
Итого
Вольготничай и юродствуй —
И только.

Мы сдержаны, мы одержимы:
Вкусили
Тягот неземного зажима
По силе.

Пришли и уйдем с переносками
Столетий:
«Такое-то сердце». — «В наличье». —
«Отметим».

Близкий по времени документ охарактеризовал К. Азадовский. Это письмо Пастернака из Москвы в Петроград, датированное 28 июня 1920 года. Оно хранится в частном собрании покойного ленинградского коллекционера М. С. Лесмана. Исследователь прочитал отрывок из этого письма обращенного, как им установлено, к Надежде Александровне Павлович: «Все больше и больше крепнет во мне решение переехать в Петроград. А здесь все продолжается московская беспоточность, наперекор природе укрепляемая принципом: кто трудится, тот не ест».

Со стенограммой выступления Пастернака на вечере памяти Маяковского в третьем годовщину его смерти, 12 апреля 1933 года, познакомил слушателей М. Рашковский.

«...если собрать все написанное поэтом, как бы он гениален ни был, — говорил тогда Пастернак, — то это никогда не равносильно той роли, которую он сыграл, и эта роль всегда будет больше, потому что явление поэзии из всех искусств наиболее условно. Оно нам сигнализирует про какие-то ценности, и в них мы видим отклик того, что в кавычках называем бессмертием...»

Начав с середины, я заставляю себя

оборвать фразу только потому, что Мария Аркадьевна любезно согласилась подготовить этот текст для публикации в «ЛГ».

В. Смолицкий интересно заявил тему «Пастернак и русский фольклор». Он привел записи народных речений, которые были сделаны поэтом в Чистополе. О Пастернаке в годы Великой Отечественной войны говорил Р. Порман.

ОТНОШЕНИЕ к пушкинской традиции имеет определяющее значение для любого русского поэта, — подчеркивает В. Баевский. — Пастернак связан с нею особенно

Борис Пастернак. Портрет работы Л. О. Пастернака. 1924 г.

«...И ТВОРЧЕСТВО, И ЧУДОТВОРСТВО»

прочно. Сам факт, что Пастернак родился в годовщину смерти Пушкина, привлекает внимание.

В 1927 году, отвечая на журнальную анкету, Пастернак свидетельствует: «В своей работе я чувствую влияние Пушкина. Пушкинская эстетика так широка и эластична, что допускает разные толкования в разные возрасты. Порывистая изобразительность Пушкина позволяет понимать его и импрессионистически, как я и понимал его лет 15 назад, в соответствии с собственными вкусами и царившими тогда течениями в литературе. Сейчас это понимание у меня расширилось, и в него вошли элементы нравственного характера».

Пастернак естественно стал посредником, соединявшим советских поэтов с пушкинской традицией.

Однако в 1937 году проблема «Пушкин и Пастернак» приобрела неожиданный и зловещий поворот. Нашлись литераторы, которые вытаскивали поэта из советской действительности, связывая его имя с Бухариным, и кульминация этой кампании была совмещена с широко отмечавшимся столетием гибели Пушкина.

Сопоставлению поэтики Пастернака и Мандельштама посвятил свой доклад С. Аверинцев. Если мы будем описывать свойства самых ранних стихотворений Пастернака, таких густых, плотных, и свойство самых первых стихотворений Мандельштама, заметил он, то мы должны будем заключить, что пастернаковские стихи характеризуются утвердительными констатациями (прежде всего важно, что здесь есть), а мандельштамовские — отрицательными (крайне важно, чего у Ман-

дельштама нет). Например, словарь Пастернака насыщен словами, бросающимися в глаза. Словарь Мандельштама, напротив, тщательно уравновешен. В богословской традиции существуют два пути познания бога — путь утверждения, когда к богу восходят от вещей, и путь отрицания, когда к богу восходят через отключение всех признаков вещей. Поэзию Пастернака можно уподобить первому пути, поэзию Мандельштама — второму. В одной английской повести есть умный человек, который, увидев что-нибудь примечательное, повторяет про себя все ту же молитву: «И в этом тоже ты, и это тоже не ты». Пастернак и Мандельштам как бы поделили эту молитву. Пастернак взял себе ее первую половину: «И в этом тоже ты». Мандельштам — вторую: «И это

ново возрождается у Пастернака («Волны»).

На сопоставлении «Розы мира» Даниила Андреева и нескольких реплик из романа «Доктор Живаго» построил свое выступление Г. Померанц.

Отношениям Пастернака с Грузией и грузинской поэзией посвящали доклады Е. Киясашвили, М. Кшондзер, М. Филина. О Тейяр де Шардене и Владимире Соловьеве в связи с Пастернаком говорили Е. Рашковский и М. Гонта.

К сожалению, нет возможности рассказать о конкретных исследованиях стихов Пастернака и романа «Доктор Живаго». Перечислю лишь некоторые доклады: «Лето 1917 года в книге «Сестра моя — жизнь» и в романе «Доктор Живаго» (Е. В. Пастернак), «Художественная топонимика Пастернака» (Н. Мирская), «Доктор Живаго: родословная главного героя» (Т. Фроловская), «О «пастернакизмах». Наблюдения над языком поэта» (Вл. Новиков), «Жизнь и ее философский смысл в поэзии Пастернака» (И. Ростовцева), «О семантике стихотворных размеров в «Стихах из омана» (О. Седакова), «Имя в романе «Доктор Живаго» (В. Борисов), «К определению жанра романа «Доктор Живаго» (О. Коженикова)...

Иногда докладчиков провожали аплодисментами, иногда бурно оспаривали или уточняли. Стоило, например, одному из ораторов повторить стаую погудку о предвзятом отношении Пастернака к позднему Маяковскому, о субъективности его оценок, как тут же последовало резкое замечание, что ведь других оценок, кроме субъективных, у Пастернака и не могло быть.

НЕ ПОБЕЮСЬ сказать, что, по-видимому, ничто не вызвало такой живой реакции слушателей, как мемуары. И ни один доклад, ни одно выступление, за исключением, может быть, самого строгого доклада М. Гаспарова о семантике рифмы у Пастернака, не обходилось без ссылок на мемуарные источники. Надо ли удивляться, что ничто не вызвало и таких громких осуждений, как некоторые современные мемуары. К сожалению, эти протесты требующие от мемуариста той самой объективности, которой, кстати, как мы уже поняли, нелепо было добиваться от Пастернака, совсем не бесцельны. Нам даже трудно представить, чего мы лишаемся, останавливая перо мемуариста своей подозрительностью и нетерпимостью. Но сам он, конечно, не должен забывать, что поле мемуаристики, как заметил Д. Данин, «заминировано» и носиться по нему без оглядки небезопасно. Мне понятно, когда о воспоминаниях говорят: «И это тоже не ты». Но я-то знаю другое: «И в этом тоже ты». Люди, общавшиеся с Пастернаком, интересны уже сами по себе. И то, что, скажем, до сих пор невозможно прочитать книгу воспоминаний О. В. Иньской, не прибавляет нам ни знания, ни понимания Пастернака.

Неожиданный аспект приобрела на чтениях музейная тема. Инженер-гидротехник из Новосибирска Г. Аблянин рассказал о домашнем музее Пастернака. Этот музей в небольшой двухкомнатной квартире посетили уже около десяти тысяч человек. Все собранные им материалы Геннадий Михайлович предполагает передать в тот музей поэта, который должен открыться в Переделкине.

О том, что значит для нас Переделкино, говорил Ст. Лесневский.

— «...ты — пригород, а не припев», — это пастернаковское определение поэзии невольно вспоминается, когда думаешь о Переделкине. Переделкино — еще одно произведение Пастернака, но такое, в котором вмещается вся его судьба, все произведение, весь Пастернак. В конце концов он вложил себя в эту местность, вложил буквально, лег в нее, стал ею. Уже после смерти его изгоняли из его дома, но можно вынести вещи, а дух живет где хочет.

Как тут не привести рассказ, которым закончил свое выступление на чтениях Л. Озеров.

— В год смерти Пастернака, в конце августа — начале сентября я встретился на Рижском взморье с Генрихом Густавовичем Нейгаузом. Мы стояли на ветру, ветер носил слова. Я потянулся к Генриху Густавовичу и прокричал ему в ухо растерянно:

— Что же будет!

Он ответил:

— Борьба с духом бесполезна и бессмысленна.

В. РАДЗИШЕВСКИЙ,
спец. корр. «ЛГ»